

Литература

1. Рыбаков С.Е. К вопросу о понятии «этнос»: философско-антропологический аспект // Этнографическое обозрение. 1998. № 6.
2. Тишков В.А. Социальная антропология: профессия и призвание. Интервью с профессором Валерием Тишковым // Журнал социологии и социальной антропологии. 2001. № 4.
3. Росенко М.Н. Нации в современном обществе: теоретико-методологический анализ // <http://nationalism.org/library/science/nationalism/rosenko/rosenko-jssa-1999.htm>.
4. Здравомыслов А.Г., Цуциев А.А. Этничность в постсоветском пространстве: соперничество теоретических парадигм // <http://www.unci.ru/vestnikiv/vest04.html>.
5. Тишков В.А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М., 2003.
6. Лурье С.В. Национализм, этничность, культура. Категории науки и историческая практика // Общественные науки и современность. 1999. № 4.
7. Рыбаков С.Е. Судьбы теории этноса. Памяти Ю.В. Бромлея // Этнографическое обозрение. 2001. № 1.
8. Сапунов Б.В. Географическая среда – важнейший фактор формирования национальной общности // Этнос. Ландшафт. Культура. СПб., 1999.
9. Карлов В.В. Этнонациональная рефлексия и предмет этнологии (к проблеме самосознания науки) // Этнографическое обозрение. 2000. № 4.
10. Исакова Н.В. Культура и человек в этническом пространстве. Новосибирск, 2001.
11. Винер Б.Е. Этничность: в поисках парадигмы изучения // Этнографическое обозрение. 1998. № 4.
12. Дискуссии. Обсуждение доклада В.А. Тишкова «О феномене этничности» // Этнографическое обозрение. 1998. № 1.
13. Рыбаков С.Е. О методологии исследования этнических феноменов // Этнографическое обозрение. 2000. № 5.
14. Заринов И.Ю. Время искать общий язык. (Проблема интеграции этнических теорий и концепций) // Этнографическое обозрение. 2000. № 2.
15. Соколов М.М. К теории постсоветской этничности // <http://www.soc.pu.ru:8101/publications/jssa/1999/3/9sokol.html> и др.
16. Заринов И.Ю. Социум – этнос – этничность – нация – национализм // Этнографическое обозрение. 2002. № 1.
17. Заринов И.Ю. Исследование феноменов «этноса» и «этничности»: некоторые итоги и соображения // Академик Ю.В. Бромлей и отечественная этнология. 1960–1990 годы. М., 2003.
18. Бражников Б.Х. Основания гуманистической этнологии // Этнографическое обозрение. 2000. № 6.
19. Хотинец В.Ю. Этническое самосознание. СПб. 2000.
20. Тишков В.А. «Пожар способствовал ей много к украшенью» (Российская этнология: статус дисциплины и состояние теории) // <http://www.ethnonet.ru/lib/0503-01.html>.

А.Г. Тучков

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ М.Б. ШАТИЛОВА¹

Томский государственный педагогический университет

Имя томского этнографа Михаила Бонифатьевича Шатилова хорошо известно среди отечественных и зарубежных угроведов. В настоящее время существует целый ряд работ, характеризующих М.Б. Шатилова как ученого, организатора научной, краеведческой и издательской деятельности. Высоко оценивается его роль в разработке ряда проблем отечественной этнографии (см.: [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7]). Однако, несмотря на столь пристальный в последнее время интерес к его личности и результатам его научного творчества, нет исследований,

направленных на выявление теоретических представлений этнографа, методологии его исследования. Данная работа, таким образом, является первым обращением к теоретико-методологическим воззрениям М.Б. Шатилова, составившим основу его научной деятельности.

Предваряя основное содержание статьи, следует отметить, что М.Б. Шатилов не был этнографом-профессионалом. Он закончил в 1909 г. юридический факультет, а позже два курса историко-филологического факультета Томского университета. Од-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Коренные малочисленные народы севера земли томской: судьбы традиций и языка», № 05-01-64102а/Т.

нако еще в студенческие годы его интересовали вопросы этнографии коренного населения Сибири. Первым проявлением этого интереса стали его сборы фольклорного материала среди русского старожильческого населения Томского края в 1910 г. Окончательный разворот в сторону этнографии произошел в 1920 гг., когда М.Б. Шатилов обратился к изучению коренных этносов Сибири, прежде всего, хантов и селькупов. С этого времени можно уже говорить о М.Б. Шатилове как об этнографе, чьи труды до сих пор еще не потеряли своей научной ценности.

Выявить идеи М.Б. Шатилова и систематизировать их непросто. Они представлены в ряде его работ в виде отдельных замечаний, высказываний и выводов, сформулированных ученым в связи с рассмотрением конкретных этнографических фактов или социальных явлений. В значительной степени идеи М.Б. Шатилова отражены в его книге «Ваховские остяки. Этнографические очерки» (1931). Поэтому оправданно будет обращение именно к этому труду как к основному источнику, в котором сфокусированы теоретико-методологические воззрения этнографа. Рамки статьи, к сожалению, ограничивают возможность детального освещения взглядов М.Б. Шатилова, поэтому анализу подвергнутся только некоторые аспекты его научного мировоззрения.

Научное творчество М.Б. Шатилова разворачивалось в 1920 гг., в период свободного господства в российской этнографической науке плюрализма идей, теорий и концепций. Новые теоретические течения, такие как, например, идеи культурно-исторической школы Ф. Боаса, идеи антропогеографии, марксизм, новые методы исследования, только начинали апробироваться в этнографии. Однако преобладающим научным направлением того времени оставался эволюционизм, утвердившийся в российской этнографии в 1870 гг. основополагающими принципами эволюционистского направления в этнографии являлись стремление к объективному познанию действительности, идеи закономерности развития и прогресса (см.: [8, с. 357–358; 9, с. 102]). В научно-мировоззренческом отношении эволюционизм, являясь неотъемлемой частью позитивизма, органично входил в господствующую в XIX в. и сохранившую свою направленность в начале XX в. парадигму истории, основными чертами которой были научность, своеобразный культ исторического факта, убеждение в закономерном характере исторического развития и поступательном движении человеческого общества, убеждение в социальной значимости истории [10, с. 9–13].

По своим теоретическим позициям М.Б. Шатилов близок к эволюционизму. Заметное влияние на его взгляды оказали труды западных этнологов,

широко известных и в России: Э. Тайлора, Г. Спенсера, Дж. Мак-Леннана, Дж. Леббока, а также работы российских этнографов-эволюционистов Д.Н. Анучина, Л.Я. Штернберга, Н.Н. Харузина. Следует при этом особо отметить: в своей исследовательской практике М.Б. Шатилов обращался к работам Г. Спенсера, Дж. Леббока, Дж. Мак-Леннана, ссылаясь на их взгляды, в частности – на проблему происхождения экзогамии у «первобытных» народов [11, с. 81], что явно говорит о знакомстве этнографа с их трудами. Однако прямого обращения к трудам Э. Тайлора и ссылок на него у М.Б. Шатилова нет, хотя его подача материала и выводы во многом близки позициям английского ученого. Практически вся работа, особенно та ее часть, где речь идет о мировоззрении и верованиях ваховских хантов, проникнута идеями Э. Тайлора.

Другим доказательством приверженности М.Б. Шатилова к идеям эволюционизма является терминологическая лексика в его работах. Характеризуя различные стороны жизнедеятельности хантов р. Вах, исследователь часто использовал такие понятия, как: «некультурные народы», «примитивные народы», «первобытные народы», «первобытный человек», «дикарь», «примитивное воображение»; при этом заметно отсутствие какого-либо чувства превосходства этнографа над изучаемым народом. Кроме того, в своем исследовании М.Б. Шатилов ни разу не употреблял термины «этнос» и «культура», используя понятие «народность».

Основная идея, на которой построены взгляды М.Б. Шатилова, базируется на представлении о непрерывном поступательном развитии культурных явлений от примитивных форм к более совершенным и сложным. Подтверждение этой идеи он видел и в материальной, и в духовной культуре хантского этноса. Наиболее ярко этот подход проявился в трактовке М.Б. Шатиловым явлений материальной культуры ваховских хантов и, в первую очередь, в описании бытовавших у них типов жилищ. В отличие от западных этнологов-эволюционистов, внимание которых главным образом было обращено к социальным и духовным составляющим культуры, М.Б. Шатилов был близок к позициям российской этнографической школы, где объектом изучения выступали прежде всего элементы материальной культуры.

По убеждению этнографа, различные по типу и конструкции жилища ваховских хантов являются ярким свидетельством процесса эволюции в домостроительстве, единообразного для большинства народов Сибири. Он исходил из того положения, что из представленных явлений культуры более простое должно предшествовать более сложному. «От первобытного шалаша через конусообразную

юрту и от землянки или пещеры через зимнюю земляную юрту мы далее наблюдаем, – писал М.Б. Шатилов, – целую градацию постепенного развития жилища у ваховских остяков в современных нам формах включительно до упрощенного типа русской избы» [11, с. 47].

Для М.Б. Шатилова не было сомнения в возможности развития одних типов жилища в другие. Примеры направления этого развития были очевидны. Сравнивая различные типы жилищ ваховских хантов, он выстроил непрерывный и прогрессивно развивающийся эволюционный ряд: 1) летние жилища: шалаш → конусообразная юрта → квадратная берестяная юрта; 2) зимние жилища: землянка (пещера) → зимняя земляная юрта → полуземляная зимняя юрта → квадратная бревенчатая юрта → упрощенная русская изба. «Одновременно с этим, – подчеркивал исследователь, – мы наблюдаем постепенное развитие как отдельных частей юрты, так и вспомогательных, служебных построек и построек около юрты. Отдельные части юрты и ее принадлежности... развиваются постепенно с типом жилища» [11, с. 47]. Все типы жилища ваховских хантов, таким образом, являются для М.Б. Шатилова свидетельством действия закона поступательного развития культурных явлений.

М.Б. Шатилов полагал, что на тот или иной тип жилища влияние оказывают не только природные факторы, но в не меньшей степени и хозяйственный уклад населения. С его изменением меняется и тип жилища. Следуя логике рассуждений этнографа, можно сделать вывод, что исследователь рассматривал типы жилищ хантов как доказательство перехода предков хантов от кочевого образа жизни, который был присущ охотникам, к оседлому, обусловленному занятием рыболовством. Наличие у хантов р. Вах переносных и стационарных жилищных построек свидетельствует об их смешанном – охотничье-рыболовческом типе хозяйства [11, с. 47].

С позиции эволюционизма и анимистической теории Э. Тайлора М.Б. Шатилов рассматривал также мировоззрение, религиозные верования и обряды ваховских остяков. К их анализу этнограф подходил как к комплексу древних, архаичных мифологических представлений, общих не только для всех остяков, но и для всех народов Сибири. Эти представления базировались, считал исследователь, на общей мифологической системе «первобытных» народов. Анализ, на первый взгляд, разрозненных религиозных представлений ваховских хантов, при отсутствии примеров последовательного развития этих представлений, позволил ему, тем не менее, выявить ряд основных позиций, составляющих систему их верований.

К этой системе М.Б. Шатилов относил культ верховного божества хантов Торума, культ медведя,

культ духов-лунгов, почитание умерших, почитание священных мест. Основой этих древних представлений являлась вера ваховских хантов в существование души. Опираясь на анимистическую теорию, согласно которой первоначальный «минимум религии» (по Э. Тайлору) состоял из веры человека в духовные существа, исследователь, вероятно, также полагал, что корни этих представлений находятся в непосредственном опыте наблюдений человека над самим собой и, прежде всего, над своими сновидениями [11, с. 117]. М.Б. Шатилов считал (здесь он близко подошел к позициям Э. Тайлора), что от простейших представлений о душе, присущих всем «первобытным» народам, развились более сложные представления о духах природы, животных, загробной жизни, о верховных божествах. С представлениями о душе в конечном счете связаны и различные культы у ваховских хантов.

В этой связи внимания заслуживает анализ М.Б. Шатиловым проблемы бытования у ваховских хантов культа умерших и культа предков. Эту проблему исследователь рассматривал в рамках анимистической теории. Он отмечал принципиальное различие между двумя этими культурами. Культ умерших, полагал этнограф, является общим явлением и почитается независимо от того, входит ли душа умершего в круг родственников или в круг семьи или нет. Культ предков, считал он, напротив, предусматривает почитание только умерших родственников, в первую очередь мужчин, и поэтому ограничен рамками одной семьи или рода [11, с. 120].

С точки зрения эволюционизма, образ предка развивается из идеи души умершего, сменяя мифологические образы тотемных животных. Культ предков таким образом этнограф выводил из общих представлений о душе, так как считал, что в центре поклонения находится образ духа – покровителя семьи. И хотя этнограф усматривал в культе предков ваховских хантов сохранившийся пережиток некогда ярко выраженного родового культа, он пошел дальше основоположников эволюционизма в решении этого вопроса и приблизил его к современному пониманию. Этот культ, полагал М.Б. Шатилов, возник в результате разложения родового устройства общества, когда значение приобрело почитание родственников в пределах семьи, так называемый семейно-родовой культ предков [11, с. 120]. М.Б. Шатилову удалось зафиксировать свидетельства бытования культа предков у ваховских хантов в виде особых почестей: принесение жертвы при смерти главы семьи и совершение жертвы старшим в семье. Данный факт заслуживает особого внимания, так как он противоречит устоявшемуся в отечественной этнографии мнению об отсутствии у народов Сибири этого культа. По оценке

С.А. Токарева, сохранившиеся у большинства народов Сибири культы, объектами которых выступают различные родовые и семейные духи-покровители, никак не связаны с представлениями об умерших предках. Слабые черты этого культа обнаруживаются только у бурят, эвенков и ненцев; что касается хантов, то у них, как отмечает С.А. Токарев, развит семейно-родовой культ, который также никак не связан с культом предков [12, с. 251, 259].

Оценивая другое сложное явление в культуре ваховских хантов, как культ медведя, М.Б. Шатилов склонялся к мысли, что в его зарождении особую роль играли эмоции, прежде всего, эмоции страха. «Явление это можно объяснить тем, – писал этнограф, – что во многих местах медведь был одним из самых опасных зверей и, следовательно, уже как таковой возбуждал к себе чувство суеверного страха» [11, с. 110]. Данная позиция близка к точке зрения австрийского этнографа-эволюциониста Ю. Липперта, согласно которой в процессе зарождения религиозных верований «первобытных» народов эмоции страха играли ведущую роль (цит. по: [13, с. 47]).

В факте поклонения медведю и в медвежьем празднике М.Б. Шатилов усматривал ранние тотемистические воззрения остяков. Само явление – тотемизм – исследователь характеризовал как важное и необходимое условие для существования этнической группы, общность которой поддерживается верой в родственную связь между физическими родственниками, с одной стороны, и животным – с другой. Идея родства этнической группы с тем или иным животным, в данном случае с медведем, составляет, считал М.Б. Шатилов, основу тотемизма. «При господстве тотемизма, – писал он, – каждая родовая, племенная группа ведет свое происхождение от какого-нибудь животного и считает себя с ним в родстве, оказывает ему поклонение, а затем при некотором культурном развитии народное сознание создает мифы, несколько смягчающие прежние, повествуя или о временном превращении их родоначальника в животное, или просто о названии предка именем того или иного животного в связи с каким-либо обстоятельством» [11, с. 81]. В качестве таких мифологических образов тотемных предков, превращенных впоследствии в образы людей – предков народа, М.Б. Шатилов считал былинные богатырей ваховских хантов Сайяли (гоголь) и Кул-Косяк (чебак) [11, с. 81]. Данное явление исследователь относил, как и вопрос о бытовании культа предков, к существованию в прошлом у хантов р. Вах родового устройства. Таким же свидетельством существования в прошлом родового устройства и господства тотемизма в среде ваховских хантов являлись, по мнению исследователя, следы экзогамии и почитание духов природы [11, с. 82, 101–108].

От общих теоретических воззрений М.Б. Шатилова неотделимы применяемые им научные методы.

Комплекс познавательных процедур, применяемых М.Б. Шатиловым в научной практике, – это совокупность общенаучных и специальных методов историко-этнографического исследования. Общенаучные методы, характеризующие процесс познания, объективной основой которого являются общеметодологические принципы, включают в себя: метод визуального наблюдения, сравнительно-исторический метод, в рамках которого используется прием типологического сравнения, историографический анализ источников. К специальным методам, применяемым только в рамках отдельных наук, относятся: метод полевого этнографического исследования, метод опроса, картографирование, метод «пережитков», метод статистического анализа, фотофиксация, сбор этнографических предметов. На некоторых из них следует остановиться особо.

За все время своей научной деятельности этнограф придерживался традиционного направления в российской этнографии – изучение отдельных этнических групп методом полевого этнографического исследования, дающий возможность этнографу вступать в непосредственные контакты с изучаемым населением, фиксировать «живой» фактический материал, накапливать впечатления и знания, составляющие основу научных обобщений. Этот метод позволил М.Б. Шатилову, одному из немногих, в значительном объеме изучить материальную и духовную культуру ваховских хантов, систематизировать различные стороны жизни этой локальной группы, описать условия ее функционирования. Также продуктивно метод полевого исследования был применен этнографом ранее, в исследовании культуры нарымских селькупов и русского старожильского населения Томской губернии в 1920 гг.

К системе полевого этнографического исследования, несмотря на его общенаучный характер, относится метод визуального наблюдения. В наблюдении реализуется активный характер научного познания. Он позволяет целенаправленно изучать объекты исследования, отдельные предметы и явления культуры, досконально фиксируя их внешние стороны. Это метод эмпирического познания, итогом которого является описание – отображение средствами языка исходных сведений об изучаемом объекте. Благодаря этому методу М.Б. Шатилову удалось описать внешнюю сторону жизнедеятельности ваховских хантов, их хозяйственно-бытовой уклад. Особо ценны его подробные описания священных мест ваховских хантов, сделанные на основе личного наблюдения [11, с. 102–109].

Сравнительно-исторический метод, в основе которого лежит исследование явлений культуры, на-

правленное на выявление и сравнение отдельных культурных элементов, общих для различных областей материальной и духовной культуры, позволил М.Б. Шатилову более детально проанализировать вопросы, связанные, например, с условиями заключения браков среди ваховских хантов, с проведением медвежьего праздника. Так, приводя сравнительные описания медвежьего праздника у различных групп хантов и манси, дополняя их примерами из ритуальной практики других народов Сибири, этнограф указал на широкое распространение и древность бытования этого праздника, выявил общее для всех сибирских народов, в том числе и хантов, отношение к медведю как к обоготворенному существу [11, с. 112–115].

В тесной связи со сравнительно-историческим методом находится прием типологического сравнения, введенный в этнографию еще Э. Тайлором. Этот прием, основанный на сопоставлении повторяющихся во времени и в пространстве культурных явлений, имеющих в своей основе сходные общие причины, позволил М.Б. Шатилову моделировать явления традиционной культуры, привязывая их к определенным стадиям исторического развития общества. Характерным в этом отношении является анализ этнографом вопроса о применении ваховскими хантами оленьей шкуры в брачном ритуале. Рассмотрев типовые примеры из брачной практики различных народов, М.Б. Шатилов пришел к выводу, что обряд использования оленьей шкуры является своеобразным символом единения супругов, равный обряду обручения. В этом отношении также показательны его типологические сравнения пережитков тотемизма и следов культа медведя у народов Сибири [11, с. 81, 95, 110].

В исследовании культуры ваховских хантов М.Б. Шатилов использовал прием, связанный с понятием «пережитки» (метод «пережитков», или теория «пережитков»), обоснованный Э. Тайлором, который видел в пережитках «устойчивость культуры» [14, с. 66]. В пережитках томский этнограф усматривал свидетельства древней «первобытной» истории народа, которые в силу присущего ему консерватизма переносились им в другую стадию своего развития. К ним он относил как общие для всех первобытных народов (остатки тотемических воззрений, следы экзогамии, культа предков, культа медведя), так и присущие только ваховским хантам явления – хранение клюва гагары, как птицы, сыгравшей важную роль в образовании земли, разбиение камнем костей животных и поедание сырого костного мозга, изготовление красящих веществ из подручных растительных материалов [11, с. 52, 55, 62, 82, 109]. Однако в отличие от Э. Тайлора, который в пережитках усматривал только сохранившиеся в народе остатки древних более сложных яв-

ний, М.Б. Шатилов отводил пережиткам особую роль, придающую устойчивость культуре и цементирующую этнос.

С проблемой «пережитков» М.Б. Шатилов тесным образом увязывал проблему межэтнических заимствований. Исследователь обратил внимание на целый ряд нехарактерных для культуры хантов элементов, способствующих, на его взгляд, прогрессу общества. Заимствования он фиксировал в типах жилища, в одежде, в пище ваховских хантов. Вместе с тем многие элементы культуры, наблюдаемые исследователем, несмотря на наличие их заменителей, поступивших из другой культурной среды, продолжали функционировать в обыденной и религиозной практике народа, что являлось, на взгляд этнографа, свидетельством проявления своеобразного консерватизма общества.

Отмечая связь пережитков и заимствований, М.Б. Шатилов вышел на сложную проблему соотношения традиции и инновации и их роли в развитии культуры этноса. Он показал, что в обществе тенденция к сохранению и функционированию имеют те элементы культуры, которые непосредственно отвечают условиям жизни коллектива, веками апробированные и являющиеся надежными гарантиями стабильности культуры. Замена подлежит лишь то, что является малоэффективным по сравнению с вновь приобретенными предметами, трудоемким в производстве и изготовлении. Отсюда наблюдаемое М.Б. Шатиловым практически повсеместное в среде ваховских хантов исчезновение навыков изготовления тканей из крапивы, гончарной посуды, замена лука и стрел ружьями, с одной стороны, с другой стороны – сохранение технологии пошива одежды, орудий для изготовления обласков (лодок-долбленок), изготовление красящих веществ из коры лиственницы или черемухи, традиции приготовления рыбы и др. [11, с. 52, 58, 68]. Однако данная проблема осталась неразработанной этнографом; М.Б. Шатилову удалось только зафиксировать совокупность взаимосвязанных интегрирующих традиционное общество элементов, благодаря которым оно сохраняло свою самобытность и жизнестойкость.

Примером историографического и источниковедческого анализа этнографа служит его подход к решению проблемы географической локализации и этноязыковой идентификации Югры – легендарной территории проживания остяков. Он полагал, что под Югрой, Югорской землей следует считать территорию низовьев Оби и ее притоков. Опираясь на ряд летописных источников и различные мнения своих предшественников, исследователь пришел к выводу, что «под Югрой должно разуметь какой-то третий народ, помимо самоедов и вогулов... Таким же народом, издревле обитавшем... наряду с вогу-

лами и самоедами, являются остяки, которые, очевидно, и назывались ... Югрою» [11, с. 16]. Никакого другого народа, кроме остяков (хантов), он не видел под термином Югра. В этноязыковом отношении под летописной Югрой этнограф также усматривал остяков. Хотя данная проблема до настоящего времени остается дискуссионной (см.: [15, с. 133–144; 16, с. 343–351; 17, с. 48], М.Б. Шатилов достаточно близко подошел к ее пониманию.

Обращает на себя внимание подход М.Б. Шатилова к историческим источникам. Говоря об историческом прошлом ваховских хантов, исследователь отмечал, что эта проблема может быть успешно решена только в совокупности данных различных по характеру источников: исторических актов, преданий и «местных» архивных материалов. Данная точка зрения была успешно реализована М.Б. Шатиловым на страницах его исследования. Опираясь на различные по характеру документальные исторические свидетельства: от статистических данных и материалов Академии наук до летописных сведений, ему удалось создать небольшой исторический очерк ваховского края и соседних с ним территорий проживания остяков. Однако для иллюстрации исторического прошлого ваховских хантов этнограф был вынужден, как это видно по его исследованию, обратиться к устным историческим преданиям ваховских остяков. На его взгляд, в исторических преданиях заключены сведения, относящиеся к исторической действительности и содержащие объективную информацию о прошлом ваховских хантов. Обращение к данному роду источников было, вероятно, единственно возможным способом в то время, в отсутствие достоверных сведений (М.Б. Шатилов постоянно говорит о «бедности исторических данных»), изучения данного вопроса. Несмотря на столь значительную опору на фольклорные данные, превышающие резервы объективности подобного рода источников, тем не менее, выводы М.Б. Шатилова относительно истории заселения ваховскими хантами р. Вах оказались на то время наиболее обоснованными.

Говоря об общих теоретико-методологических воззрениях этнографа, следует сказать, что М.Б. Шатилову было присуще рассматривать традиционное общество, его культуру с точки зрения непрерывного исторического процесса, последовательности общественного развития. Характерная особенность его взглядов – это утверждение неразрывной связи времен, убеждение в закономерном и прогрессивном характере развития традиционного общества. В его работе «Ваховские остяки. Этнографические очерки» видна идея прогресса культуры.

Исследователь выработывал концепцию изучения не только и не столько общих явлений культуры, универсальных для всех культур на определен-

ной стадии их исторического развития (этнографические материалы по ваховским хантам давали достаточно оснований для теоретических обобщений), а гораздо больше его занимало изучение специфических особенностей культуры, определяющих ее самобытность. М.Б. Шатилов был убежден, что традиционная культура является результатом как ее самостоятельного развития, так и исторического взаимодействия и заимствования. На развитие общества, его хозяйственно-бытового уклада, мировоззрения, считал этнограф, оказывают влияние два основных фактора: географическая среда обитания этноса и соседние общества. Подобно другим эволюционистам М.Б. Шатилов рассматривал развитие человеческой культуры как фактор действия природы (точка зрения, присущая, впрочем, и историографии романтизма, и позитивистской философии истории). Географическая среда обитания определяет, по его мнению, необходимые условия жизнедеятельности этноса, направления его развития, специфические особенности его культуры. Контакты с соседями несут в общество необходимый набор культурных заимствований, позволяющих, по убеждению М.Б. Шатилова, прогрессировать обществу, сохраняя при этом последовательность своего развития. М.Б. Шатилов стремился показать культурное единство ваховских хантов, подчеркивая при этом уникальную степень адаптации этноса к окружающей среде обитания.

Обосновывая идею прогресса развития этнической культуры хантов р. Вах, М.Б. Шатилов, однако, сталкивался с проявлениями в их этнической среде фактов культурного застоя, которые никак не согласовывались с его представлениями о постепенном, эволюционном развитии общества. Эти факты он объяснял изолированностью данного этноса от внешних культурных влияний. Вместе с тем М.Б. Шатилов не склонен был рассматривать явления застоя культуры как пример ее деградации (идея, присущая многим эволюционистам). Однако, опираясь, вероятно, на взгляды Э. Тайлора, он допускал, что в истории культуры (этноса) можно обнаружить и факты регресса. Так, рассматривая вопрос о шаманизме ваховских хантов, М.Б. Шатилов считал, что это явление существует в их культуре в очень упрощенной форме, что говорит об утрате ваховцами ряда присущих шаманизму особенностей, общих для всех сибирских народов [11, с. 124].

Таким образом, концепция классического эволюционизма представлена в работе М.Б. Шатилова с существенными поправками. Она сформулирована автором «Ваховских остяков» не так жестко и прямолинейно, как у его предшественников. Для М.Б. Шатилова важно было показать культурную идентичность ваховских хантов, отличающую их, несмотря на ряд схожих элементов, от других этно-

сов таежной зоны Сибири, подчеркнуть уникальность и самобытность их культуры. Вместе с тем, раскрывая характерные особенности культуры этноса, М.Б. Шатилов говорил о ее конкретной исторической вариативности.

В «Ваховских осятках» представлен яркий пример связи истории с этнографией. Обе эти науки М.Б. Шатилов рассматривал как средство реконструкции истории развития этноса. Привлечение к исследовательским задачам антропологических данных (традиция, заложенная еще Д.Н. Анучиным), географических сведений, статистических материалов, собранных этнографом во время экспедиции, сведений, полученных методом опроса, в частности устной информации от Е.С. Прасина о медвежьем празднике у ваховских хантов [11, с. 111], метода картографирования, позволившего систематизировать этнографические факты и выделить на общем фоне этнографических явлений те особенности культуры (практика захоронения детей без каких-либо обрядов, церемония ритуального употребления растопленного медвежьего сала и

др.), которые были присущи, по мнению исследователя, только ваховским хантам [11, с. 114], способствовало всестороннему охвату и более глубокому проникновению этнографа в историю и культуру традиционного общества.

В заключение следует отметить, что начиная с середины 1920 г. этнография становится востребованной государственными структурами как средство, с помощью которого пытались решать политические и социальные вопросы. Исследование хантов р. Вах таким образом, кроме научных целей, было подчинено социально-политическим задачам и носило стратегический характер. Поэтому оценка М.Б. Шатиловым ряда сторон хозяйственной и культурной жизни ваховских хантов содержит в себе следы реалий 1920 гг., особенности идеологии того времени. На обширном историко-этнографическом материале локальной группы хантов этнограф стремился показать не только историческую картину жизни народа и его культурную самобытность, но и наметить пути его развития в будущем, уже в условиях становления новой экономики и идеологии.

Литература

1. Лар-ях – народ с заливных лугов: Этнографическая коллекция ваховских ханты в Томском областном краеведческом музее / Н.А. Тучкова, А.Г. Тучков. Томск, 2003.
2. Лукина Н.В. Шатилов как этнограф // Труды Томского государственного объединенного историко-архитектурного музея. Томск, 1994. Т. 7.
3. Ханевич В.А. Михаил Бонифатьевич Шатилов (материалы к биографии) // Труды Томского областного краеведческого музея. Томск, 2004. Т. 13.
4. Тучков А.Г. Материалы по истории этнографической экспедиции М.Б. Шатилова на р. Вах (1926 г.) // Там же.
5. Кулемзин В.М. Михаил Бонифатьевич Шатилов и сибиреведение // Там же.
6. Осипова О.А. Значение трудов М.Б. Шатилова для лингвистики // Там же.
7. Крюков В.М. Областник Михаил Бонифатьевич Шатилов // Там же.
8. Токарев С.А. История русской этнографии. М., 1966.
9. Соловей Т.Д. «Коренной перелом» в отечественной этнографии (дискуссия о предмете этнологической науки: конец 1920 – начало 1930 годов) // Этнографическое обозрение. 2001. № 3.
10. Могильницкий Б.Г. История исторической мысли XX века. Кризис историзма. Томск, 2001. Вып. I.
11. Шатилов М.Б. Ваховские осятки. Этнографические очерки. Труды Томского краевого музея. Томск, 1931. Т. IV.
12. Токарев С.А. Ранние формы религии. М., 1990.
13. Токарев С.А. История зарубежной этнографии. М., 1978.
14. Тайлор Э. Первобытная культура. М., 1991.
15. Головнев А.В. Югра и Самоядь // Сибирь в панораме тысячелетий (Материалы международного симпозиума). Новосибирск, 1998. Т. 2.
16. Напольских В.В. О происхождении названия Югра // Там же.
17. Курлаев Е.А. Летописная югра – древнепермский народ? // Обские угры. Материалы II Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (12–16 декабря 1999 г., г. Тобольск). Тобольск; Омск, 1999.